

Ярослав ГРИЦАК

УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: 1991-2001. ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПЕРЕМЕН*

Согласно постулату теории зависимости от пути развития (the path-dependency theory), “то, куда вы приходите, зависит от того, откуда вы вышли”.¹ Таким образом, для того, чтобы адекватно описать развитие украинской историографии за прошедшее десятилетие, необходимо начать с характеристики ситуации накануне 1991 года. Данная ситуация может быть охарактеризована словами канадско-украинского историка Ореста Субтельного (Orest Subtelny), который отметил, что “на фоне сравнительно высокого уровня социоэкономического развития Украина (до 1991 года – Я.Г.) имела непропорционально слабо развитую историографию”.² Историография советской Украины была очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на нескольких темах и концепциях. В результате в начале 1990-х годов вполне правоммерным казался вопрос: “А существует ли вообще украинская историография?”³ Другой аспект этой ненормальной ситуации заключался

* Перевод с английского А. Семенова.

¹ Robert D. Putnam. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, 1993. P. 179.

² Orest Subtelny. *The Current State of Ukrainian Historiography* // *Journal of Ukrainian Studies*. 1993. 18. Nos. 1-2. P. 36.

³ Serhiy Bilokin'. *Chy maiemo my istorychnu nauku?* // *Nashe mynule*. Kyiv. 1993. No. 1. S. 4-16.

в том, что несколько десятков специалистов на Западе, в большинстве своем украинского происхождения, считались более авторитетными экспертами по украинской истории, чем сотни историков на родине. Подобную ситуацию трудно представить в отношении, скажем, польской или российской историографии.⁴

Институции и персоналии

В силу такого печального положения не вызывает удивления тот факт, что первоначальный импульс к переменам пришел извне. В конце 1980-х годов в Киеве и Львове, двух основных культурных центрах, возникло несколько общественных организаций, которые объявили целью своей деятельности восстановление украинской исторической памяти. Эти организации являлись либо местными отделениями всесоюзных организаций (таких как “Мемориал” или Ассоциация молодых историков, с центрами в Москве), либо культурными объединениями, связанными с украинской оппозицией (Украинский культурологический клуб в Киеве и Товарищество Льва /Товариство Лева/ во Львове).⁵ В любом случае, большинство важных дискуссий по исторической проблематике в описываемое время проводилось за пределами официальных академических институтов.

Формирование новой институциональной системы было в большой степени задумано как возрождение старых институций, существовавших до советской власти или в ранний советский период (1920-е гг.). В 1987 году Академия наук в Киеве организовала собственную Археологическую комиссию, подразумевая преемственность со старой Археологической комиссией, существовавшей в 1920-х годах и упраздненной в 1930-е годы в ходе советских репрессий. Два года спустя, в 1989 году, было воссоздано Шевченковское общество с большим историческим отделом. Это общество закрыли в 1940 году после аннексии Советским Союзом западной Украины, входившей до того в польское государство. Возрождение этих двух институтов имело символическое значение, так как оба они были связаны с деятельностью Михайла Грушевского (1866-1934), основоположника современной

⁴ Subtelny. The Current State of Ukrainian Historiography. P. 36.

⁵ Taras Kuzio, Andrew Wilson. Ukraine: Perestroika to Independence. Edmonton, Toronto, 1994. Pp. 70-72, 74-75, 94-95; Rezolutsia konferentsii molodykh istorykyv, 20-21 zhovtnia 1999 r. // Postup. 1989. No. 15.

украинской историографии. Работы Грушевского были запрещены при советском режиме, любая ссылка на его имя рассматривалась как своего рода идеологическое отступничество. Борьба за публикацию его письменного наследия стала главным интеллектуальным событием конца 1980-х годов. Она способствовала дальнейшей десоветизации украинской истории.⁶

Альтернативная концепция украинской истории стала господствующей после 1991 года. Археографическая комиссия была преобразована в полноценное академическое учреждение: Институт украинской археологии и источниковедения имени М. Грушевского. И Институт, и общество Шевченко открыли свои отделения по всей Украине и начали реализовывать амбициозные публикаторские проекты.⁷ В сравнении с ними бывшие советские академические учреждения замедленно реагировали на вызов времени. Единственным исключением был Институт социальных наук во Львове, в состав которого входили несколько исторических отделов. В конце 1980-х годов данный институт был вовлечен в политический процесс и служил базой для оппозиционного движения на Западной Украине. Институт украинской литературы в Киеве играл аналогичную роль, в то время как Институт истории, в котором работало большинство профессиональных историков, остался оплотом старого режима. Тем не менее, как только изменилась политическая ситуация, Институт истории начал реформирование своей структуры и исследовательских приоритетов.⁸ К середине 1990-х годов он полностью избавился от прежней инерции и даже попытался восстановить свой статус лидера украинской истори-

⁶ S. I. Bilokin'. Mykhailo Hrushevs'kyi // *Literaturna Ukraina*. 1998. July 21; Ia. Dashkevych. Naivydatnishi ukrains'kyi istoryk // *Slovo i chas*. 1991. No. 9. Pp. 18-24; V. H. Sarbei. Iak nam stavytysia do M. Hrushevs'koho? Z pryvodu deiakykh nekompetnykh publikatsii // *Radians'ka Ukraina*. 1988. August 27; Idem. Do pytannia pro naukovu spadshchynu akademika M. S. Hrushevs'koho // *Ukrains'kyi Istorychnyi Zhurnal* [40; 55 - UIZh]. No. 10. Pp. 114-126; R. H. Symonenko, "Pravda istorii - virmist' istorii // *Komunist Ukrainy*. 1988. No. 9. Pp. 76-88; Также см.: Bohdan W. Klid. The Struggle over Mykhailo Hrushevs'kyi: Recent Soviet Polemics // *Canadian Slavonic Papers*. 1991. No. 33. Pp. 32-45.

⁷ Oleh Romaniv. Dal'shoi dorohy! // *Zapysky Naukovoho Tovarystva imeni T. Shevchenka*. Vol. CCXXI. Praci filiolozhichnoi sekcii. L'viv, 1990. Pp. 5-8; V. S. Sokhan'. Stan i perspektyvy rozvytku ukrains'koi arkhheohrafi // *Ukrains'kyi arkhheohrafichniy shchorichnyk*. Vypusk 1. Kyiv, 1992. Pp. 9-18.

⁸ See: Iu. Kondufor. Siohodennia Instytutu istorii Ukrainy AN URSR // *UIZh*. 1991. No. 7. Pp. 57-60.

ографии.⁹ Однако решить эту задачу оказалось крайне сложно, особенно ввиду появления новых конкурентов. Малые институты, возникшие в рамках Академии наук, стали в начале 1990-х годов настоящими центрами академической жизни и научных достижений, объединяя экспертов в соответствующих областях исследований (например, институт востоковедения или институт восточно-европейских исследований).

Украинские университеты оказались еще менее подвижными в деле реформирования своих исторических факультетов, чем академические институты. При советском режиме историческая наука, как и многие другие дисциплины, была жестко разделена на академическую и университетскую. В то время как первая обладала прерогативой на проведение исследований, последняя существовала как педагогическая институция. В этой ситуации большинство университетов не были способны развивать собственные исследовательские школы.¹⁰ Положение начало медленно меняться с образованием новых типов учебных заведений. Некоторые из них, например, Киево-Могилянская академия (1993) и Львовская теологическая академия (1994), были задуманы в качестве альтернативных негосударственных университетов. Как и в случае с другими альтернативными институциями, данные образования учреждались как “возрожденные” традиционные университеты, но с новым учебным планом и исследовательской повесткой. Новообразования типа Института исторических исследований (Львовский национальный университет) и Института украинских исследований (Киевский национальный университет) были созданы в рамках

⁹ Іу. Z. Danyliuk, O. P. Reient, O. S. Rubliov. 60-richchia Instytutu istorii Ukrainy NANU // UIZh. 1997. No. 1. Pp. 150-154; O. P. Reient, O. V. Lysenko. Vydannia Instytutu istorii Ukrainy NANU // UIZh. 1998. No. 1. Pp. 40-55.

¹⁰ Возможно, единственным исключением является Днепропетровский Государственный Университет, который пользовался особым статусом в советской украинской системе образования, что позволяло ему состоять в прямом и интенсивном контакте с Московским Государственным Университетом. В этом университете возникла научная школа исследователей истории Украины раннего Нового времени, особое внимание в работах которых уделялось источниковедческому аспекту. Представители этой школы оказались весьма восприимчивы к ряду методологических инноваций, например, к клиометрии. См.: Osiahnennia istorii. Zbrinyk naukovykh prats' na poshanu profesora Mykoly Pavlovycha Koval's'koho z nahody 70-richchia. Ostroh-New York, 1999; Vitalii Pidhaiets'kyi. Modernism i postmodernism: uivne mynule chy invariantne maibutnie? // Ukraina moderna. L'viv. 1999-2000. Nos. 4-5. Pp. 310-315.

существовавших государственных университетов в попытке ликвидировать разрыв между академической и университетской наукой и способствовать дальнейшим переменам. Наконец, в больших городах, таких как Запорожье, Остриг или Вольнь, были основаны новые государственные университеты, которые всего через несколько лет стали новыми региональными центрами исторической науки.

Развитие институциональной сети лучше всего может быть измерено числом исторических журналов, публикуемых на Украине. В 1991- 2001 годах оно возросло с двадцати двух до ста девяноста. Прошедшее десятилетие также принесло небывалую географическую диверсификацию. Киев, как столица, остается крупнейшим центром издания исторических журналов, однако его монополия в этой отрасли существенно подорвана. Количество издаваемых в Киеве журналов уменьшилось с 63,6 % в 1991 году до 41,5 % в 2001 году. Сегодня каждый региональный центр имеет по крайней мере один исторический журнал. Еще одним оптимистическим знаком дальнейшей децентрализации является возникновение новых журналов в малых городах (таких как Дрогобыч, Каменец-Подольский, Измаил, Остриг и Симферополь).

В отличие от институционального развития, оценить общие перемены в профессорско-преподавательском составе сложнее, в силу отсутствия достоверной статистики. Можно с уверенностью сказать только, что за прошедшее десятилетие, несмотря на тяжелые экономические обстоятельства, преподавательско-исследовательский состав численно не сократился.¹¹ Самая резкая перемена состояла в полном исчезновении целой категории так называемых историков Коммунистической партии Советского Союза, которые работали в самой непрофессиональной и идеологизированной сфере. В результате могло произойти повышение академических и исследовательских стандартов в исторической профессии, но этого не случилось. Большинство историков партии просто формально переименовали себя в “историков Украины”, а их квалификация не подвергалась проверке и не была доказана. Так что они по-прежнему составляют значительную часть исторического сообщества, хотя и в новом обличье. Другая радикальная перемена персонифициро-

¹¹ В 1970 году в Украинской ССР насчитывалось 3.347 профессиональных историков. Из них докторами наук были 138 человек, а 1199 – кандидатами наук. Согласно некоторым подсчетам, к началу 1990-х гг. это число увеличилось вдвое. См.: Subtelny. Pp. 50-51.

вана новой группой историков, как правило, молодых ученых, которые получили образование и научные степени за пределами Украины. Большинство из них являются выпускниками Центрально-Европейского университета в Будапеште, который предоставляет возможность получить степень магистра наук (MA) и доктора наук (Ph. D.) по истории и смежным дисциплинам. Меньшее число новых историков получили образование в северо-американских и европейских университетах. Наконец, существует значительная группа историков разных возрастов, которые за прошедшее десятилетие участвовали в многочисленных программах обмена (Fulbright, IREX, DAAD и т.д.)

Все вышеперечисленные изменения были прямым результатом “открытия” Украины внешнему миру. В этом смысле тенденции развития исторической науки на Украине совпадают с общим для бывших советских республик процессом радикального изменения академической конъюнктуры. Специфичным для украинской ситуации является тот факт, что данные изменения происходили при решающем вмешательстве украинской диаспоры Северной Америки и Европы. Большинство новых институций, по крайней мере в начальный период своего существования, либо финансировались диаспорой, либо непосредственно возглавлялись представителями диаспоры (или то и другое вместе). Вдобавок, американские и европейские историки украинского происхождения внесли свой активный вклад в интеграцию украинских институций в систему международных академических связей. Полный список примеров слишком длинен, чтобы приводить его здесь.¹² Только сравнение украинской ситуации с ситуацией в других новых независимых государствах может показать, в какой мере украинский вариант является уникальным. Другим параметром для срав-

¹² Это можно проиллюстрировать несколькими примерами: по инициативе видных Украинских историков-эмигрантов Омельяна Прицака и Ярослава Пеленского были созданы Институт Востоковедения и Институт Восточной Европы. Профессор Марта Богаческий-Хомяк, известная своими исследованиями в области украинской женской истории, ныне является директором программы Fulbright на Украине. Доктор Борис Гудзяк, получивший научную степень в Гарвардском университете и специализирующийся в восточноевропейской истории раннего Нового времени, теперь возглавляет Львовскую теологическую академию. На крупные пожертвования от украинской североамериканской диаспоры были созданы Киево-Могилянская академия, Институт исторических исследований, Львовский национальный университет и, немного позднее, – Центр по изучению слободской Украины (в Харькове).

нения может стать анализ деятельности фонда Сороса, который напрямую (через свое национальное отделение – украинский фонд “Возрождение”), либо косвенно, через свои многочисленные программы (например, Программу поддержки высшего образования /Higher Education Support Program/, Схему поддержки исследований /Research Support Scheme/) финансировал различные международные проекты, в которых принимали участие украинские историки.

В любом случае, невозможно не заметить весьма радикального изменения, произошедшего в системе украинских внешнеакадемических связей: доминировавшая до 1991 года украинско-российская ось сменилась многосторонними связями, в системе которых Россия заняла маргинальную позицию по сравнению с Западной Европой и Северной Америкой.¹³ Практически не выросла интенсивность сотрудничества украинских историков с коллегами из бывшего Советского Союза (помимо России) и Восточной Европы. Если они и встречаются на конференциях и обмениваются информацией о последних публикациях, то это чаще всего случается в Кембридже, Париже или Тюбингене, а не в Москве, Киеве или Праге. Единственное значимое исключение составляют многочисленные польско-украинские совместные проекты, которые за последнее десятилетие испытали беспрецедентный рост. Характерной чертой этих академических проектов является, как правило, факт включения в число участников других стран-соседей (таких как Беларусь и Литва), которые разделяют общее историческое наследство.¹⁴

¹³ Насколько мне известно, только одна научная конференция была организована совместными усилиями украинских и российских ученых, см.: Россия-Украина: история взаимоотношений / Под ред. А. И. Миллера, В. Ф. Репринцева, Б. Н. Флорья. М., 1997. Это несопоставимо с количеством проведенных украинско-польских конференций – если взять только одно это направление международного сотрудничества.

¹⁴ В этом отношении, необходимо особо отметить деятельность Института Центральной и Восточной Европы и Католического университета в Люблине (Польша). Данные учреждения организовали многочисленные конференции и инициировали амбициозный проект создания нового синтеза белорусской, литовской, польской и украинской историй. В этом проекте принимают участие ученые из всех четырех стран. Институт Центральной и Восточной Европы также стремится к пересмотру четырех вышеупомянутых национальных историй в рамках нарратива единой региональной истории – истории Центральной и Восточной Европы. Основу данного научного предприятия составляют историографические концепции, разработанные в межвоенной польской историографии. Более подробно см.: Jerzy Ksiazczowski. Europa Irodkowowschodnia w historiografii krajow regionu. Lublin, 1993.

Данные изменения в системе академических связей оказали важное влияние на институциональное, интеллектуальное и финансовое измерения исторической дисциплины. Что касается последнего, то наблюдается диверсификация источников доходов историков, что позволяет историкам продолжать работу в очень сложной экономической ситуации посткоммунистической трансформации. Традиционная роль государства как главного и единственного источника поддержки академических исследований постепенно исчезает. Фактически, те учреждения, которые до сих пор полностью зависят от государственной поддержки, оказались в самом затруднительном положении.¹⁵ Более того, альтернативные источники финансирования гарантируют большую свободу научного поиска. Однако негативной стороной является масштабная “утечка мозгов”, которая затрагивает преимущественно самую творческую часть академического сообщества.¹⁶

¹⁵ Государственное финансирование Академии Наук в 1998 г. составило только 40% от минимального бюджета. В 1992-1998 гг. государственное финансирование университетского образования уменьшилось примерно на 80%. Ol'ha Andriievs'ka. *Onovlennia imperii znan'* // Krytyka. 2001. Vol. 4. No. 42. P. 13.

¹⁶ Среди них можно назвать Др. Сергея Плохия из Днепропетровска, ведущего специалиста по украинской истории раннего Нового времени, и Др. Сергея Якельчука из Киева, который специализируется на современной истории Украины и, возможно, является самым творческим и восприимчивым к теории историком – представителем молодого поколения. Их путь в эмиграцию начался в такой украинской диаспорной институции как Канадский институт украинских исследований при университете Альберты (Canadian Institute for Ukrainian Studies, University of Alberta, Edmonton). В настоящее время при институте находятся несколько аспирантов (Ph.D. students) из Украины и только один из них высказал желание вернуться на Украину после защиты диссертации. Среди молодого поколения историков есть немало ученых, которые постоянно перемещаются между Украиной и европейскими и североамериканскими научными центрами, проводя значительную часть времени за рубежом. Насколько мне известно, на Украине работают только две международные программы, специально ориентированные на противодействие “утечке мозгов” и на помощь историкам, работающим на родине: 1) Проект “Гражданское Образование” (the Civic Educational Project) – еще одна программа, которая получает большую часть своего бюджета от фонда Сороса. Данная программа поддерживает молодых ученых из Восточной Европы, имеющих западное образование. Им предоставляется заработная плата при условии, что они преподают в местных университетах; 2) Американский Совет Научных Обществ (the American Council of Learned Societies), который предоставляет гранты для научного исследования исследователям из Украины, России и Белоруссии. Условием получения гранта также является преподавание в местном университете. Аналогичная ей программа фонда Сороса – Research Support Scheme (Схема поддержки исследований) перестала существовать несколько лет назад.

Реальные результаты институциональных изменений остаются пока неизвестными. Создается впечатление, что вышеперечисленные перемены затрагивают только самую активную часть научного сообщества, которая пользуется привилегированным положением, благодаря своему нахождению в больших городских центрах или, как в случае со Львовом, близости к западной границе. То же самое нужно сказать относительно попыток ликвидировать разрыв между университетской и академической наукой – эти попытки затрагивают только верхушки двух айсбергов, которые продолжают развиваться обособленно. В 2000 году украинский фонд “Возрождение” инициировал мегапроект по истории, задачей которого стало создание системы связей между различными украинскими университетами, с одной стороны, и зарубежными партнерами этих университетов – с другой. Также целью данного мегапроекта является интеграция преподавания и исследования в исторической науке. Уже сама постановка вышеозначенных целей является неопровержимым доказательством неудовлетворительного состояния институций в исторической профессии на Украине.

Что касается историков как профессиональной группы, необходимо отметить, что они по-прежнему воспроизводят многочисленные недостатки старой системы. Прежде всего, сохраняется хронический дефицит специалистов определенного рода, например, медиевистов и историков древнего мира. Профессиональная подготовка историков продолжает оставаться на низком уровне, особенно на аспирантской ступени. Большинство выдающихся украинских историков являются талантливыми людьми, преодолевшими многочисленные изъяды в своей профессиональной подготовке с помощью самообразования. С другой стороны, первое постсоветское поколение, усвоившее западные модели исторической науки, только спорадически интегрировано в академические и университетские структуры. Ключевые посты во многих случаях по-прежнему остаются за историками “старой школы”. Помимо этого, некоторые научные группы и школы лишены возможности высказывать свои взгляды в силу отсутствия ресурсов и/или несовместимости с “официальными” структурами.¹⁷ Также на Украине существуют проблемы, которые не могут быть терпимы в любом нормальном ученом сообществе: например, многочисленные

¹⁷ Serhiy Kravchenko. *Chy maie Ukraina istorykiv?* // Krytyka. 2001. V. 4. No. 42. Pp. 18-19.

случаи самого примитивного и явного плагиата,¹⁸ злоупотребления в системе присвоения ученых степеней и т.д.

Нет сомнений, что значительная часть трудов украинских историков выполнена на низком уровне. Но будет грубым упрощением сказать, что данная характеристика относится ко всей украинской историографии. С точки зрения как институционального ландшафта, так и человеческих ресурсов, историческая наука перестала быть одномерным монолитом, оказалась разделенной на разные лагеря и группы, что демонстрируется многообразием применяемых подходов, исследовательских методов и выбором тем и проблем для изучения.

Исследовательские темы и проблемы

История в **Украине** остается во многом историей **Украины**. Если в программе университетского образования всеобщая история явно преобладает над украинской историей, то статистика диссертационных тем демонстрирует обратное соотношение. Оно выглядит еще более несбалансированным, если учитывать число публикаций по всеобщей истории. Самым явным показателем диспропорции является незначительное число монографий и университетских учебников, посвященных темам, не связанным с украинской историей. Немногочисленные исключения составляют монографии, написанные молодыми историками Черновицкого университета, а также новый проект по разработке учебного пособия, организованный Львовским национальным университетом и Львовской теологической академией.¹⁹ Но Черновцы и Львов являются традиционно ориентированными на Запад центрами, разделяющими наследие бывшей Австро-Венгерской империи и менее других регионов Украины затронутыми советизацией. За пределами этих центров подобные попытки являются редкостью. Еще большие опасения вызывает малое количество книг, диссертаций и статей, которые рассматривают историю Украины в широком компаративном контексте.

¹⁸ Недавний пример этому: Volodymyr Rychka. *Za kym biut' u 'Lytavry? // Ukrains'kyi humanitarnyi ohliad*. 2000. No. 4. Pp. 138-142 (рецензия на учебник для университета: V. P. Kotsur, A. P. Kotsur. *Istoriografia istorii Ukrainy: Kurs lektsii*. Chernivtsi, 1999).

¹⁹ Olena Dzhedzhora. *Istoriia ievropeis'koi tsivilizatsii*. L'viv, 1999; Zhan-Bernar Diupon-Mel'nychenko [=Jean-Bernard Dupont-Melnychneko], Vadym Adadurov. *Frantsuz'ka istoriografii XX stolittia*. L'viv, 2001; Ihor Pidkova, Olena Dzhedzhora. *Svitova istoriia XIX-XX stolittia*. Slovyk. L'viv, 2000. В течении нескольких следующих лет должны быть изданы три университетских учебника по истории, соответственно Франции, Польши и России.

Что касается специфических тем украинской истории, необходимо отметить преобладание двух периодов: короткого XX века (1914-1991) и периода раннего Нового времени (1569-1772). Данный дисбаланс вызван рядом факторов. Именно события этих двух периодов подверглись в советский период максимальной цензуре и фальсификации, поскольку предоставляли обильный материал, позволяющий воспринимать украинскую историю как отличную от русской и советской. Соответственно, особое внимание к этим периодам на протяжении первого постсоветского десятилетия являлось своего рода реакцией на практики советской исторической науки и одновременно – доказательством возрождения национальной парадигмы в качестве главной концептуальной модели для написания истории в постсоветской Украине. Национальная парадигма сменила вульгаризированную форму классовую парадигму, господствовавшую в советской историографии. В целом, это замещение завершилось к середине 1990-х годов, вслед за официальными празднествами по случаю пятой годовщины независимости Украины и 130-летия со дня рождения Грушевского. К этому времени правящая украинская постсоветская элита (которая и поныне остается весьма советской по своему происхождению и идеологическим практикам) признала фигуру Грушевского в качестве отца-основателя Украинского государства. Реагируя на новую политическую конъюнктуру, большинство украинских историков приняло схему украинской истории Грушевского в качестве своего рода абсолюта.²⁰

Данная схема составляет основу современного украинского национального мифа.²¹ Но национальные мифы являются объектами постоянного националистического “переоткрытия” и реапроприации, а потому подвергаются непрекращающейся реинтерпретации.²² Именно это и произошло со схемой украинской истории Грушевского в постсоветском украинском контексте. Заимствуя положения бывших оппонентов (украинских несоветских историков – представителей так называемой государственнической школы), новая редакция данной схе-

²⁰ См.: Mykhailo Hrushevs'kyi. The Traditional Scheme of “Russian” History and the Problem of a Rational Organization of the History of the Eastern Slavs // *The Annals of the Ukraine Academy of Arts and Sciences in the US*. 1952. Vol. 2. No. 4. Pp. 335-364.

²¹ John A. Armstrong. Myth and History in the Evolution of Ukrainian Consciousness // Peter J. Potichnyj, Marc Raeff, Jaroslaw Pelenski, Gleb N. Zekunin (Eds.). *Ukraine and Russia in Their Historical Encounters*. Edmonton, 1992. Pp. 128-129.

²² См.: Anthony Smith. The “Golden Age” and National Renewal // Geoffrey Hosking, George Schöpflin (Eds.). *Myths and Nationhood*. London, 1997. P. 39.

мы включила в себя миф о континуитете украинской истории, последовательно связывающем потенциальные национальные государства: Киевскую Русь, Галицко-Волынское княжество, Великое княжество Литовское, казачьи государства XVII-XVIII веков, Украинскую национальную республику и украинскую государственность 1917-1920-х годов. Промежуточные периоды были осмыслены как периоды “национального возрождения”. Во многом подобная трактовка развития украинской истории напоминает теорию последовательно связанных социально-экономических формаций (от рабства к феодализму, от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму), которая служила главным организующим принципом советского исторического гранд-нарратива.²³ Также надо отметить, что некоторые пережитки советского классово-ориентированного подхода видны в характеристиках иностранных государств и элит как “оккупантов”, которые, как утверждается, угнетали украинский народ не только по национальному признаку, но и по социальному. Широко обсуждаемое восстание Хмельницкого (1648) ныне рассматривается в терминах, весьма близких к тем, в которых описывалась пролетарская революция.²⁴ В области казачьей истории главный акцент сместился с изучения Запорожской Сечи (которая, согласно постулатам популистской школы, был воплощением “народного духа”) к исследованию казачьей административной автономии – Гетманата (как потенциального национального государства) в рамках Российской империи.

Помимо этого, налицо и некоторые другие инновации старой схемы в новых работах. Во-первых, континуитет украинской национальной истории выводится в них за хронологические пределы изначаль-

²³ Словно чтобы подчеркнуть сходство, Институт украинской истории инициировал амбициозный проект по написанию 15 томной серии “Украина сквозь века”, которая должна, по мнению организаторов, предоставить украинскому обществу новую версию украинской истории. См.: *Ukraina kriz’ viku*. Vol. 1-13. Kyiv, 1998-1999. Мне ничего не известно о последних двух томах, которые должны были недавно выйти. Ирония заключается в том, что данная серия выглядит весьма похожей на предшествующий советский проект того же института (называвшегося в то время Институтом истории) – проект восьмитомной “Истории Украинской ССР”. (*Istoriia Ukrain’s’koi SSR U 8 t. 10 kn.* Kyiv, 1977-1979). В свою очередь, данный советский проект был задуман в подражание работе Грушевского “История Украины-Руси”, но должен был стать идеологической антитезой к ней.

²⁴ См.: Natalia Iakovenko. *V koliorakh proletars’koi revoliutsii // Ukrain’s’kyi humanitarnyi ohliad*. 2000. No. 3. Pp. 58-78 (рецензия на монографию: V. A. Smoliiy, V. S. Stepankov. *Ukrains’ka natsional’na revoliutsiia XVII st.: 1648-1676*. Kyiv, 1999).

ной схемы Грушевского, начало национальной истории отодвигается по возможности в более ранние периоды. Так, в некоторых работах содержится утверждение, что истоки украинской нации могут быть найдены в трипольской археологической культуре третьего тысячелетия до нашей эры. Украина рассматривается как изначальная родина если не всех индоевропейцев, то, по крайней мере, всех славянских народов. Новые интерпретации “облагораживают” украинскую историю, связывая ее с древними цивилизациями Северного Причерноморья и подчеркивая древний характер цивилизации Южной Руси (т.е. Украины) по сравнению с северными центрами, такими как возникшие позже Беларусь и Россия.²⁵

Другое существенное дополнение к первоначальной схеме Грушевского заключается в интерпретации Украины как цивилизационного пограничья. Будучи заимствованным у историков государственнической школы, данное положение стало особенно популярным после издания в постсоветской Украине работ украинских эмигрантских историков Ивана Л. Рудницкого и И. Шевченко. Отрывая Украину от пространства культурного и политического доминирования России и располагая ее “между Западом и Востоком”, данная интерпретация модифицирует тезис Грушевского о том, что украинская история представляет собой отдельный и самодостаточный предмет исследования.²⁶

К положительным чертам процесса нового украинского мифотворчества можно отнести отсутствие в исторических работах постсоветского времени последовательно агрессивного рассмотрения других этнических групп или чуждых народов.²⁷ К отрицательным чертам

²⁵ Общий обзор может быть найден в: Andrew Wilson. *Myths of National History in Belarus and Ukraine* // Geoffrey Hosking, George Schöpflin. *Myths and Nationhood*. Pp. 182-197; Wilfried Jilge. *Natsional'na istoriia na prykladi zobrazhennia doby Kyivs'koi Rusi v ukrains'kykh pidruchnykakh z istorii* // *Ukrain'ska istorychna dydaktyka. Mizhnarodnyi dialoh. Fakhivtsi riznykh krain pro suchasni ukrains'ki pidruchnyky z istorii*. Kyiv, 2000. Pp. 82-90.

²⁶ Natalia Iakovenko. *Kil'ka sposterezhen' nad modyfikatsiyamy ukrains'koho natsional'oho mifu v istoriohrafii* // *Dukh i litera*. 1998. Nos. 3-4. Pp. 110-111; Serhy Yekelchuk. *The location of nation: postcolonial perspectives on Ukrainian historical debates* // *Australian Slavonic and East European Studies*. 1997. Vol. 11. Pp. 172-179.

²⁷ Jilge. *Natsional'na istoriia na prykladi zobrazhennia doby Kyivs'koi Rusi v ukrains'kykh pidruchnykakh z istorii*. P. 78. Негативные образы, прежде всего, закреплены за “репрессивными” режимами и государствами-завоевателями (Речь Посполитая, Российская и Османская империи, Советский Союз и нацистская Германия) или определенными классами (польская шляхта).

этого интеллектуального процесса можно отнести неудачу попытки осознать полиэтнический и поликультурный характер Украины,²⁸ что могло бы породить весьма интересное и актуальное направление исследований.²⁹ Согласно одному недавнему обзору, в отличие от современных белорусских историков, которые до настоящего времени так и не смогли преодолеть старые панславистские и советские мифы, украинские историки преуспели в воссоздании и модифицировании относительно когерентного нарратива происхождения и преемственности. Новые украинские мифы обладают достаточно большой привлекательностью среди национально сознательных меньшинств. Но существует риск, что они оттолкнут русскоговорящую половину украинского населения, которые их не разделяют или не верят в них.³⁰

В любом случае, национальная парадигма украинской истории создала очень ограниченную и ограничивающую исследовательскую перспективу, которая особенно очевидна применительно к периоду Новой истории. Согласно национальной парадигме, украинцы в Российской империи находились между польским молотом и русской наковальней.³¹ Более нюансированные и сбалансированные исследования раскрывают анахронизм этого образа: политическая и культурная история западных окраин Российской империи представляет собой конфликт между польским и российскими имперскими видениями региона, и, соответственно, культурами. Российская империя использовала украинский вопрос как инструмент для подрыва польского влияния. Чем более русифицированным и более деполонизированным становился регион, тем более усиливалось украинское национальное движение.³²

Большинство постсоветских украинских работ, посвященных монархиям Романовых и Габсбургов в XIX веке, сосредоточено на истории украинского нациестроительства.³³ Тем не менее, невозможно до-

²⁸ Nadiia Honcharenko, Mariia Kushnariova. *Shkola inshuvannia* // Krytyka. 2001. Vol. 4. No. 42. Pp. 20-23.

²⁹ Mark von Hagen. *Does Ukraine Have a History?* // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 3. P. 673.

³⁰ Wilson. *Myths of National History in Belarus and Ukraine*. P. 197.

³¹ В том числе, см.: Ivan L. Rudnytsky. *Essays in Modern Ukrainian History*. Edmonton, 1987. *Passim*.

³² Kimitaka Matsuzato. *Pol'skyi faktor v Pravoberezhnoi Ukraine s XIX po nachalo XX veka* // *Ab Imperio*. 2000. No. 1. Pp. 91-106.

³³ См. библиографию публикаций за 1996-1998 гг.: Stanislaw Stöpief. *Ukrainoznavstvo. Materiały do bibliografii. Publikacje wydane na Ukrainie w latach 1996-1998*. Przemyśl, 1999. Pp. 111-115.

стичь адекватного понимания процесса нацистроительства без детальной разработки социальной и культурной истории крестьянства, которое составляло подавляющее большинство (потенциальной) украинской нации. Это тем более справедливо для изучения украинской революции 1914-1923 годов или истории советизации Украины в 1920-х и 1930-х годах. Необходимость комбинированного анализа социальных и национальных аспектов этих исторических явлений является просто вопиющей.³⁴ Использование национальной парадигмы легче оправдать применительно к изучению межвоенной западной (несоветской) Украины, когда национальный вопрос стоял в центре украинской политической и культурной жизни в силу специфических национализирующих практик польского, румынского и венгерского государств. Однако даже в этом случае отсутствие исследований других, ненациональных, аспектов исторического процесса оставляет многие важные проблемы непроясненными.³⁵

Среди прочих периодов украинской истории интерпретация советского этапа является наиболее чувствительной к колебаниям политического маятника. К концу 1980 – началу 1990-х годов интерпретации советского прошлого на Украине следовали общей модели перестроечного периода, т.е. “восполнению белых пятен”. Соответственно, центральное место в украинской историографии занимали исследования сталинского режима. В специфически украинском контексте они несли в себе дополнительный смысл: доказательство того факта, что сталинская политика была особенно репрессивна по отношению к украинцам. Прежде всего доказательство данного положения и, в целом, подтверждению ожиданий общества должны были служить исследования голода на Украине 1932-1933 гг. и репрессий против украинского национального движения в 1930-1950-х гг.³⁶ Попытки восполнить

³⁴ Andreas Graziosi. *The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917-1933*. Cambridge, Ma, 1996; John-Paul Himka. *The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917-1920* // *Archiv für Sozialgeschichte*. 1994. No. 34. S. 95-110; Iaroslav Hrytsak. *Ukrainian Revolution, 1914/1917-1921: New Interpretations* // *CEU History Department Yearbook, 1997-1998*. Budapest, 1999. Pp. 153-168.

³⁵ См., Mykola Kuczerepa. *Stosunki ukraińsko-polskie w II Rzeczypospolitej we współczesnej historiografii ukraińskiej* // Piotr Kosiewski, Grzegorz Motyka (Eds.). *Historycy Polscy i Ukraińcy wobec problemów XX wieku*. Krakow, 2000. Pp. 146-165.

³⁶ Ivan Bilas. *Represywno-karal'na systema v Ukraini, 1917-1953: Suspil'no-politychnyi ta istoryko-pravovyi analiz*. Vols. 1-2. Kyiv, 1994; V. M., H. V. Kasianov, S. V. Kul'chys'kyi. *Stalinizm na Ukraini: 20-30-ti roky*. Kyiv, 1991; Danylenko,

еще один пробел, т.е. изучить историю украинского националистического антикоммунистического движения во время второй мировой войны, спровоцировали бурные споры. Эти попытки угрожали разрушить возникавший политический консенсус между разными сегментами украинской элиты и общества. Достаточно характерно, что второй президент Украины, Леонид Кучма, в отличие от своего предшественника Леонида Кравчука, использовал в своей официальной риторике старую советскую парадигму Великой Отечественной войны, что вскоре было подхвачено академическим истеблишментом.³⁷ Тем не менее, произошла существенная модификация этой парадигмы, а именно, Великая Отечественная война теперь рассматривается исключительно в украинской перспективе. Пройдя через многочисленные страдания и проявив великий героизм, Украина доказала наличие потенциала быть национальным государством. Как утверждается, в ответ на это ее статус национального государства был признан Большой тройкой, когда Украинская ССР получила специальный статус члена-учредителя Организации Объединенных Наций.³⁸

Украинские историки особенно склонны заниматься исследованиями многочисленных зверств, совершенных нацистским режимом против украинского населения. Напротив, проблемы коллаборационизма и украинско-еврейских отношений во время Холокоста остаются на периферии внимания украинской историографии (хотя некоторые последние публикации позволяют предполагать, что данная тематика в будущем станет центральной для украинских исследований истории Второй мировой войны).³⁹ Удручающе выглядит отсутствие сравни-

S. V. Kul'chytskyi, B. V. Ivanenko, et al. (Eds.). *Kolektyvizatsiia i holod na Ukraini, 1929-1933. Zbirnyk dokumentiv i materialiv*. Kyiv, 1993. См. также раздраженные ответы российских историков на интерпретацию 1932-1933 годов как "украинского голода": I. E. Zelenin, N. A. Ivniitskii, V. V. Kondrashin, E. N. Oskolkov. *O golode 1932-1933 godov u ego otsenke na Ukraini // Voprosy istorii*. 1994. No. 6. Pp. 256-263.

³⁷ Z dopovidy prezidenta Ukrainy L. Kuchmy na urochystykh zborakh 8 travnia 1995 r., prysviachenykh 50 richchiiu peremohy u Velykii Vitchyznianiі viini // *Holos Ukrainy*. 1995. May 11. P. 3.

³⁸ M. Koval'. *Ukrains'kyi narod u druhii svitovii viini (1939-1945). Suchasna istorycha kontsepsia // Iaroslav Hrytsak, Iaroslav Isaievych (Eds.). Druhyi mizhnarodnyi konhres ukrainistiv. L'viv, 22-28 serpnia 1993 r. Dopovidі i povidomlennia. Istorіa. Chastyna 2. L'viv, 1994. P. 119.*

³⁹ Более подробно, см.: Jaroslav Hrytsak. *Stosunki ukrainsko-Zydowskie w postradzieskiej historiografii ukrainskiej // Piotr Kosiewski, Grzegorz Motyka (Eds.). Historycy Polscy i Ukraincy*. Pp. 102-113.

тельных исследований нацистского и советского режимов, а также общих компаративных исследований фашизма и коммунизма, при том, что украинский случай может стать прекрасным материалом для проведения такого сравнительного анализа.⁴⁰ Исследователи советского периода украинской истории активно применяют теорию тоталитаризма.⁴¹ Некоторые из них (конечно, не все) используют знакомую и часто повторяемую формулу, которая гласит, что Украина была главной жертвой тоталитарного режима. Сходным образом, исследования антисоветской оппозиции ставят во главу угла национальные аспекты диссидентского движения.⁴² Важное исключение из этого правила представляет работа, посвященная истории рабочей оппозиции в конце 1980-х гг.⁴³ Данное исследование раскрывает потенциал альтернативного подхода, который может внести свой вклад в корректировку нашего видения периода революций 1989-1991 гг.

В постсоветской украинской историографии отсутствует глубокая дискуссия о месте Украинской Советской Республики в украинской истории, т.е. о возможности рассмотрения коммунистического режима в качестве продолжения органического исторического процесса (-ов), а также о причинах столь прочной укорененности советского наследия в современной Украине.⁴⁴ Общее впечатление таково, что украинские

⁴⁰ Подобное компаративное исследование было проведено, в том числе и по Украине, западными и польскими историками: Jan I. Gross. *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton, 1988; Grzegorz Hryciuk. *Polacy we Lwowie 1939-1941*. Warszawa, 2000.

⁴¹ Stanislaw Kulchyt's'kyi. *Komunizm v Ukraini: pershe desiatyrychchia (1919-1928)*. Kyiv, 1996; Iu. I. Shapoval. *Liudyna i sysytema. Shtrykhy do portretu totalitarnoi doby v Ukraini*. Kyiv, 1994; Volodymyr Baran. *Ukraina 1950-1960-kh rr.: evolutsia totalitarnoi systemy*. L'viv, 1996.

⁴² Oleksii Haran'. *Ubyty drakona. Z istorii Rukhu ta novykh partii Ukrainy*. Kyiv, 1993; Heorhii Kasianov. *Nezhodni: urkrains'ka inteligentsiia v rusi oporu 1960-1980-kh rokiv*. Kyiv, 1995; Jurii Kurnosov. *Inakomyshlennia v Ukraini*. Kyiv, 1994; Anatolii Rusanachenko. *Natsional'no-vyzvol'nyi rukh v Ukraini. Seredyna 1950-kh - pochatok 1990-kh rokiv*. Kyiv, 1998. Общий обзор, см.: Heorhii Kasianov. *Antykomunistyczne podziemie i opozycja demokratyczna na Ukrainie z punktu widzenia wspolczesnej historiografii ukraifskiej* // Piotr Kosiewski, Grzegorz Motyka (Eds.). *Historycy Polscy i Ukraińscy*. Pp. 61-67.

⁴³ Anatolii Rusanachenko. *Probudzhennia: Robitnychy rukh na Ukraini v 1989-1993 rokakh*. Vols. 1-2. Kyiv, 1995.

⁴⁴ Эти проблемы были подняты в: Serhii Bilokin'. *Masovy teror iak zasib derzhavnoho upravlinnia v SRSR (1917-1941). Dzhereloznavche doslidzhennia*. Kyiv, 1999. Несмотря на то, что эта книга содержит упрощенную интерпретацию, она может быть

историки либо не подготовлены к постановке этих проблем, либо не хотят над ними задумываться, что является еще одним доказательством глубокого влияния советского наследия на украинское общество. В обществе, выбравшем путь более радикального разрыва с коммунистическим прошлым, такая дискуссия была бы обязательной.⁴⁵

Методы, теории и изменения исторической парадигмы

Преобладание национальной парадигмы в трудах историков постсоветской Украины можно сравнить только с господством позитивизма извода Леопольда Ранке. Нагляднее всего это отражено в доминировании так называемой “документальной школы”. Осуществляемые ее представителями широкомасштабные публикации исторических источников только отчасти являются реакцией на весьма ограниченный доступ к определенному рода архивным коллекциям советских времен.⁴⁶ Более того, данные публикаторские проекты расцениваются как важное направление развития исторической науки, а некоторые монографии, написанные украинскими историками, не поднимаются выше подробного комментария к опубликованным документам.⁴⁷

использована как точка отсчета в дальнейшей дискуссии К сожалению, последовавшая дискуссия быстро перешла в обмен личными обвинениями и отошла от первоначально поднятых проблем. См.: Iaroslav Hrytsak. Chorni knyhy chervonoho teroru // Krytyka. 2000. Vol. IV. No. 5 (31). Pp. 4-6.

⁴⁵ См. в том числе, дискуссию среди польских историков о роли Польской Народной Республики в польской истории: Spór o PRL. Marta Fik, Andrzej Friszke, Michal Glowinski, Gustav Herling-Grudzinski et al. Wstlp Piotr S. Wandycz. Kraków, 1996.

⁴⁶ Публикация коллекции документов о Кирилло-Мефодиевском обществе (1840-х годов), которая не затрагивала политических сюжетов, была подготовлена в 1970-х годах, но публикацию запретили, чтобы не провоцировать националистические страсти. Данное издание увидело свет в 1990 году: Kyrylo-Mefodiiivs'ke tovarystvo. Compiled by I. I. Hlyz', M. I. Butych, O. O. Franko. Vols. 1-3. Kyiv, 1990. Несмотря на то, что все запреты были сняты в 1990-х годах, украинское законодательство и административные практики создавали всевозможные препятствия, ограничивающие доступ к некоторым особенно важным документам. См.: Stanislaw Kuleczycki // P. Kosiewski, Gr. Motyka (Eds.). Historycy Polscy i Ukrainscy wobec problemyw XX wieku.

⁴⁷ См. в том числе, Iurii Shapoval. Ukraina. XX. Osoby ta podii v konteksti vazhkoj istorii. Kyiv, 2001. Крайний пример подобного “авторства” представлен Владимиром Сергийчуком, который поставил свое имя на публикациях, названных “монографиями”, но на самом деле являющимися ни чем иным как компиляциями документов: V. Serhiychuk. Desiat' buremnykh lit. Zakhidno-ukrains'ki zemli v 1944-1953 rokakh. Kyiv, 1998.

Сохраняющееся влияние научной парадигмы XIX столетия было обусловлено историографическим развитием предшествующего времени. Украинская историография почти не участвовала в основных теоретических дебатах XX века. Ее развитие в 1920-1930-х годах было отмечено усвоением подходов, которые могут быть соотнесены с социальной историей и школой Анналов. Как ни скромны были эти достижения, они позволяли предполагать, что украинские историки – либо в Восточной (Советской), либо в Западной (несоветской) Украине – последуют общими путями европейской историографии XX века.⁴⁸ Развитие данных тенденций было остановлено советизацией исторической науки, которая привела к всесторонней теоретической гомогенизации. Большинство дискуссий в советско-украинской историографии 1940-1980-х годов было направлено на исправление некоторых (по большей части “националистических”) отклонений от советской марксистской схемы.⁴⁹ Новые подходы, возникшие в советской России и прибалтийских республиках, например, Московско-Тартуская школа или воспроизведение подходов школы Анналов в работах Арона Гуревича, редко достигали советско-украинской историографии.⁵⁰ В результате к 1991 году украинские историки оказались перед очень серьезной проблемой создания современной исторической науки, будучи вооруженными домодерным исследовательским инструментарием.

После Второй мировой войны историки-эмигранты призвали к “пересмотру украинской истории”.⁵¹ С начала 1990-х годов к ним присоединились (пост)советские украинские историки, которые получили возможность интенсивных контактов с зарубежным академическим миром. Первая половина 1990-х годов ознаменовалась несколькими важными дискуссиями по теоретическим проблемам истории Украины, в которых приняли участие как историки из диаспоры, так и укра-

⁴⁸ Iaroslav Hrytsak. *Peredomova* // *Diupon-Mel'nychenko, Adadurov. Frantsuz'ka istoriohrafia XX stolittia*. P. ix.

⁴⁹ См., например, дискуссию о том, являлись ли украинские земли колонией Российской империи: I. O. Hurzhii. *V. I. Lenin pro ekonomichni rozvytok Ukrainy v dozhovtnevyi period* // *UIZh*. 1967. No. 10. Pp. 40-51.

⁵⁰ Единственным исключением было развитие клиометрии в Днепропетровском университете (см. 10 сноску).

⁵¹ См. издание докладов конференции с тем же названием: Ivan L. Rudnyts'ky (Ed.). */With the assistance of John-Paul Himka/. Rethinking Ukrainian History*. Edmonton, 1981. Краткий обзор развития историографии в эмиграции дан в: O. Subtelny. *The Current State of Ukrainian Historiography*. Pp. 36-38.

инцы и некоторые западные историки неукраинского происхождения.⁵² За несколькими исключениями, в рамках этих дискуссий не прозвучало вызова национально-позитивистской парадигме как таковой. Участники лишь достигли согласия по вопросу о том, каким образом эта парадигма может быть переформулирована и модернизирована.⁵³ Наиболее предрасположенная к теоретической дискуссии группа историков попыталась инкорпорировать в свои исследования современные подходы к теории национализма.⁵⁴ Эти попытки вызвали более обширную дискусию теоретического характера между теми историками, которые следовали идее древних истоков украинской нации (примордиалисты), и теми, кто считал, что украинская нация, как и другие нации, является современным феноменом (“модернисты”).⁵⁵ После публикации книги Георгия Касьянова о современных теориях национализма и хрестоматии (ридера) по национализму, исследования национализма (nationalism studies) стали, возможно, единственной областью украинской историографии, в которой осуществляются разноплановые, как эмпирически, так и теоретически ориентированные исследования.⁵⁶

До середины 1990-х годов публикации, освещающие для украинской аудитории современный эпистемологический кризис на Западе, появлялись крайне редко и никогда не вызывали дискуссий.⁵⁷ Большинство украинских историков искренне верят, что на них возложена

⁵² Участниками дискуссии являлись (в порядке появления изданий): Iaroslav Hrytsak, Iaroslav Dashkevych. (Eds.). *Problemy doslidzhennia istorii Ukrainy. Pershyi kruhlyi stil istorykiv. Slavs'ko, 4-6 veresnia 1990. Dopovidi, vystupy, dyskusiiia. L'viv, 1993*; Iaroslav Hrytsak, Olena Dzhezhdzhora (Eds.). *Formuvannia ukrains'koi natsii: istoriia ta interpretatsii. Materialy kruhloho stolu istorykiv Ukrainy. L'viv - Briukhovychi, 27 serpnia 1993 r. L'viv, 1995*; Mark von Hagen. *Does Ukraine Have a History*. См. также дискуссию в том же номере журнала “Slavic Review”.

⁵³ Данными исключениями явились дискуссия на страницах журнала “Slavic Review” в 1995 году (см. предыдущую сноску) и критические выступления в рамках дискуссии 1979 года (Ivan Rudnyts'ky. *Rethinking Ukrainian History*. Pp. 253-254).

⁵⁴ Serhij Iakel'chuk. *Probudzhennia natsii. Do kontsepsii ukrains'koho druhoi polovyny XIX st. Mel'burn, 1994*. См. также 53 и 57 сноски.

⁵⁵ Раскол обнаружился уже в 1993 году, во время конференции по истории становления украинской нации, см.: Iaroslav Hrytsak, Olena Dzhezhdzhora (Eds.). *Formuvannia ukrains'koi natsii: istoriia ta interpretatsii. Passim*.

⁵⁶ Hryhorii Kasianov. *Teorii natsii ta natsionalizmu. Kyiv, 1999*.

⁵⁷ S. I. Zhuk. *Zakhidna istoriohrafia ta epistomolohichni problemy istorychnoi nauky // UIZh. 1994. No. 1. Pp. 45-53*.

особая общественная миссия, которая была сформулирована в известном изречении Грушевского: “Вы должны узнать истину, и истина сделает вас свободными”.⁵⁸ Историки на Украине занимали и, во многом, занимают и сейчас весьма привлекательное положение: их работы широко издаются и читаются, они пользуются определенной популярностью и известным вниманием со стороны средств массовой информации: историк воспринимается как человек, познавший уроки прошлого, готовый раскрыть историческую правду.

Однако существовали инакомыслящие, которые в середине 1990-х годов попытались испортить невинные удовольствия украинских историков. В сентябре 1996 года Наталья Яковенко, видный украинский историк из Киева, опубликовала в ведущей украинской газете статью под заголовком “История познаваемая и непознаваемая”. Она предложила провести границу между популярной и профессиональной историографией. Представители первой верят или притворяются, что верят в историческую правду. Профессиональные историки, сторонники профессиональной историографии, должны быть более осведомлены о пределах собственного ремесла. Яковенко критикует историографическую парадигму XIX века в том ее виде, в каком она возродилась в постсоветской Украине, а также деконструирует схему Грушевского, подчеркивая их идеологическую близость к советской марксистской парадигме исторического знания. Через месяц после выхода статьи Яковенко автор этих строк опубликовал статью в той же газете, посвященную злоупотреблению национально-популистскими взглядами Грушевского, которые используются постсоветской украинской элитой для легитимации собственной власти.⁵⁹ Некоторое время спустя мы опубликовали собственный учебник глубоко ревизионистского характера.⁶⁰ Вопреки нашим намерениям, данные публикации были расценены как преждевременная атака на традиционную (несоветскую) и постсоветскую украинскую истори-

⁵⁸ Mykhailo Hrushevs'kyi. *History of Ukraine-Rus'*. Vol. 1. From Prehistory to the Eleventh Century. Edmonton, Toronto, 1997. P. LXI.

⁵⁹ Iaroslav Hrytsak. *Reabilitatsiia Hrushevs'koho i legitymatsiia nomenklatury* // *Den'*. 1996. October 29. No. 12. P. 6.

⁶⁰ Natalia Iakovenko. *Narys istorii Ukrainy*. Kyiv, 1997; Iaroslav Hrytsak. *Narys istorii Ukrainy. Formuvannia modernoi ukrains'koi natsii XIX-XX stolittia*. Kyiv, 1996. Обе книги были опубликованы как результат работы в рамках международного проекта по пересмотру национальных историй в четырех соседних странах (см. сноску 14). Они были переведены на польский язык, а недавно появились в сети интернет.

ографию и вызвали довольно раздраженные отклики как среди профессиональных историков, так и среди патриотически настроенных публицистов.⁶¹

Обсуждение схемы Грушевского совпало с расколом внутри Института украинской археографии и источниковедения.⁶² Группа научных сотрудников, возглавляемая Натальей Яковенко, вышла из состава института в знак протеста против ограниченного характера исследовательского плана, принятого институтом. Помимо других причин ухода, данная группа обвинила администрацию института в игнорировании теоретических и методологических проблем при изучении исторических документов.⁶³ Раскол нанес серьезный удар по институту, от которого он так и не оправился. Конфликт возник между бывшими союзниками, которые объединились для привнесения новых стандартов в украинскую историческую науку. Помимо некоторой личной вражды между бывшими союзниками, раскол выявил их расхождения во взглядах на теоретические основания постсоветской украинской историографии.

Группа историков, вышедшая из института, никогда не была единой, несмотря на то, что интеллектуальное инакомыслие в постсоветской историографии часто обозначалось как “постмодернизм” или “иконоклазм” (или даже как “постмодернистский иконоклазм”).⁶⁴ Не-

⁶¹ См. ответ на статью Яковенко ведущего украинского историка Ярослава Исаевича, который был маргинализован в советский период, но в последнее десятилетие вновь вошел в академический истеблишмент: Tverdzhennia pro nepiznavannist' istorii styraie hran' mizh fal'syifikatsiieiu ta poshukom istyny // Den'. 1996. November 13. No. 18. P. 6. Защита научного наследия Грушевского была предпринята следующими авторами: Les' Herasymchuk. Vyhnaty tradytsiiu z modernoho suspil'stva oznachaie pozbutysia zemli pid nohamy // Den'. 1996. December. No. 26. P. 6. В качестве примера более агрессивной и оскорбительной реакции, см.: Volodymyr Hordiienko. Chy dorostut' istoryky Ukrainy do... istorii Ukrainy // Za vil'ny Ukrainu. 1998. May 16. P. 2; B. Khorvat. My i Ievropa (Kil'ka dumok na poliakh novoho chasopysu) // Shliakh peremohy. 61997. April 17. P. 7.

⁶² См. также дискуссию между ведущими украинскими историками во время конференции, проходившей в г. Львове 29 сентября 1996 года: Iaroslav Hrytsak, Iaroslav Dashkevych (Eds.). Mykhailo Hrushevs'kyi i ukrains'ka istorychna nauka. Materialy kruhloho stolu istorykiv Ukrainy. L'viv, 1996. Pp. 207-257.

⁶³ Письмо к директору Института Украинской археографии и источниковедения было подписано Н. Яковенко, О. Дзубой, К. Выслобоковым, В. Ульяновским, Ф. Шабульдо, Г. Боряк, О. Толочко, В. Шандра, Л. Демченко (Киев, 21 сентября 1996 г.). Копия этого письма находится в личном архиве автора.

⁶⁴ Iakelchuk. The Location of Nation. P. 179.

сколько дискуссий прошли внутри этой группы историков после 1996 года. Два года спустя Алексей Толочко, один из лучших историков молодого поколения, подписавший вместе с Натальей Яковенко письмо об уходе из Института археографии и источниковедения имени Грушевского, выступил с критикой работ Яковенко, суть которой сводилась к тому, что в своем синтезе украинской истории Яковенко использует теоретически двусмысленную и устаревшую формулу: Украина “между Западом и Востоком”. Для Толочко “Украина”, равно как и “Восточная Европа”, является всего лишь интеллектуальным и политическим конструктом, который не соответствует требованиям, предъявляемым к аналитическим категориям серьезного исторического исследования.⁶⁵ Тем самым Толочко вновь поднял вопрос о том, занимается ли история “объективными” процессами или является своего рода метанарративом, т.е. вопрос, который ранее поставила Яковенко. Ирония заключалась в том, что теперь Яковенко стала объектом критики, построенной по той же модели, которую она сама применяла против своих оппонентов.⁶⁶ История этой полемики данным эпизодом не заканчивается: три года спустя Толочко сам был раскритикован более молодым историком, обвинившим его в теоретических неточностях и в неправильном понимании некоторых основных постулатов современной западной историографии.⁶⁷

Внутренняя слабость описываемой группы историков заключается в том, что, помимо многочисленных статей в украинских и западных журналах, она так и не произвела монографического исследования, которое бы продемонстрировало адекватное приложение новых теоретических подходов.⁶⁸ Пока ее положение, скорее, определяется манифестацией новых направлений, нежели крупными исследовательскими достижениями. Нельзя избавиться от ощущения определенной спешки, характерной для деятельности этой группы истори-

⁶⁵ Oleksiy Tolochko. The Good, the Bad, and the Ugly // *Krytyka*. 1998. No. 7-8 (9-10). Pp. 24-29.

⁶⁶ Характерно, что обмен репликами между Яковенко и Толочко был опубликован под говорящим названием “Свои своих не узнают” (“Svii svoia ne poznasha”) // *Krytyka*. 1998. No. 11 (13). Pp. 30-31.

⁶⁷ Andrii Zaiarniuk. Insha Ievropa // *Ukraina Moderna*. 2001. Vol. 6. Pp. 159-172.

⁶⁸ Реальная сила высококачественной монографии, написанной Натальей Яковенко, заключена в исключительной широте источниковой базы ее работы и в авторской интерпретации, а не в теоретических инновациях: *Ukrains'ka shliakhta z kintsia XIV do seredyny XVII st. (Volyn' i Tsentral'na Ukraina)*. Kyiv, 1993.

ков, которая не позволяет им сконцентрироваться и завершить свои основные исследовательские проекты. Эта спешка отражает условия их выживания (зависимость от краткосрочных грантов, интенсивная программа академических обменов, участие в создании новых институций и т. д.). Но в таком случае десять лет могут быть расценены как слишком короткий период для возникновения новых научных школ. Необходимо некоторое время для того, чтобы все эти многообещающие тенденции привели к существенным изменениям в интеллектуальном ландшафте современной украинской историографии.

В любом случае, заслугой диссидентов от исторической профессии является создание радикально нового академического дискурса. С их подачи существенно расширились тематика исследований и интеллектуальный горизонт, особенно с возникновением двух новых журналов: выходящей два раза в месяц “Критики” (1998-; №1-), являющейся аналогом “New York Review of Books”, и неперiodического издания “Украинское гуманитарное обозрение” (Український гуманітарний огляд, 1999-; № 1-8). Редакционные советы этих журналов и авторы статей представляют как раз вышеупомянутых “иконокластов”, их коллег с Запада и их более молодых последователей в Украине. Они ведут борьбу одновременно против нового истеблишмента и традиционной исторической школы. В этой борьбе никто из противников не был помилован и не было оставлено камня на камне.

Отчасти в качестве реакции на критические атаки, а отчасти в попытке восстановить утраченное первенствующее положение, постсоветский академический истеблишмент произвел на свет большое количество публикаций теоретического характера.⁶⁹ Некоторые из них являются весьма амбициозными по замыслу, но весьма нелогичными по своей структуре и бессодержательными в изложении.⁷⁰ В до-

⁶⁹ V. A. Potylnyts'kyi. Ukrains'ka ta svitova nauka // UIZh. 2000. Nos. 1-4.

⁷⁰ О подробностях критики указанных изданий, см. публикации А. Заярюка в журнале Критика за 2001 год.

⁷¹ Иногда подобная практика приводит к комическому эффекту. Так, Ю. Шаповал утверждает, что “несмотря на всю иронию, пристрастия и антипатии, история Украины была и остается важной формой легитимации украинской нации, преодоления комплекса неполноценности”. В поддержку этого тезиса автор ссылается на слова Мишеля Фуко (так!) о том, что пришло время “отделить историю от этой бессмысленной и беспрестанной практики отыскания и утери ее истоков,

полнение к этому появилась новая практика ритуального цитирования модных западных авторов в поддержку собственного тезиса, несмотря на то, что непонятыми остаются даже основы западной теоретической работы.⁷¹ В любом случае, показателен тот факт, что многие историки стремятся представить свои работы как очень “современные”, даже если в их основе лежат слегка измененные традиционные взгляды.

За пределами этих двух лагерей находится огромное число историков, которые продолжают заниматься историческими исследованиями в традиционном русле, не придавая большого значения новым теориям и подходам и производя книги высокого качества.⁷² В других случаях эти историки переходят к исследованию нетрадиционных тем (например истории женского движения), но пользуются весьма традиционными методами.⁷³ Наконец, смежные гуманитарные дисциплины, такие как филология или этнография, предлагают вниманию историков интересные и глубокие интерпретации исторических тем, в которых используются достижения постколониальных исследований, гендерных исследований и дискурсивного анализа.⁷⁴ Есть позитивные знаки того, что данные подходы постепенно проникнут в современную украинскую историографию и изменят ее содержание, стимулируя еще большее взаимодействие со смежными гуманитарными дисциплинами.

Послесловие

Если использовать образ, предложенный Джеффом Илий (*Geoff Eley*), современный историографический мир напоминает поезд, на котором едут две группы: одну составляет относительно небольшое

практики, заложницей которой история была долгое время”. Iurii Shapoval. *Komunistychnyi totalitaryzm ta ioho obraz u suchasnykh pidruchnykakh v Ukraini* // M. Telus, Iu. Shapoval (Eds.). *Ukrains'ka istorychna dydatkyka*. P. 31.

⁷² См., например, Vladyslav Verstiuk. *Makhnovshchyna: Selians'kyi povstans'kyi rukh na Ukraini 1918-1921*. Kyiv, 1991; V. V. Kalinichenko. *Selians'ke hospodarstvo Ukrainy v period NEPu. Istoryko-ekonomichne doslidzhennia*. Kharkiv, 1997; и другие работы.

⁷³ Более подробно, см.: Oksana Kis'. Рецензия на книгу *Zhinochi studii. Zhinky v istorii ta siohodni*. Odesa, 1999 // *Ukraina moderna*. 2000. Nos. 4-5. Pp. 503-511. См. также недавнюю публикацию: N. V. Shevchenko. *Hender u dzerkali istorii ta perspektyvy rozvytku hendernykh studii v Ukraini* // *UIZh*. 2001. No. 1. Pp. 30-39.

⁷⁴ Solomiia Pavlychko. *Dyskurs modernizmu v ukrains'kii literaturi*. Kyiv, 1999.

число приверженцев радикальной эпистемологии; другую – большинство историков, которые, в общем, следят за происходящими теоретическими дискуссиями, но не заинтересованы в новейших теоретических новациях и желают, чтобы эти теории исчезли. Группа, сидящая в середине упомянутого поезда, присоединилась к нему только на время, отчасти из любопытства, интересуясь, куда поезд в конце концов приедет, совершенно не будучи уверенной в том, что задержится надолго в месте прибытия.⁷⁵ Во многом этот образ приложим к ситуации в современной украинской историографии. Хорошая новость заключается в том, что все вагоны поезда заняты, новые пути проложены и что за прошедшие десять лет поезд уже прошел существенное расстояние, несмотря на то, что условия не располагали к этому. Однако остается неясным, похож ли украинский поезд на поезд мировой историографии, описанный Илий.

Уже признано, что за прошедшие десять лет произошло окончательное перемещение центра украинской историографии из Северной Америки и Западной Европы в Украину.⁷⁶ Но создается впечатление, что вместе с этим перемещением были унаследованы и старые структурные и методологические недостатки. Так же, как и несколько десятилетий назад на Западе, число высокопрофессиональных украинских историков исчисляется десятками. Для государства с населением в 50 миллионов, каким является Украина, данное количество явно недостаточно. К этому следует добавить практически полное отсутствие специалистов по неукраинской истории.

С образом поезда в украинской истории связаны довольно зловежщие ассоциации. Мемуарист однажды пошутил, что если бы поезд Киев – Полтава, на котором ехали делегаты на церемонию открытия памятника поэту Котляревскому в 1903 году, потерпел крушение, это привело бы к полной ликвидации украинского национального движения, так как все его лидеры находились в двух вагонах этого поезда.⁷⁷ Конечно, для того, чтобы сегодня в одном поезде уместились все ве-

⁷⁵ Geoff Eley. Is All the World a Text? From Social History to the History of Society Two Decades Later // Terence J. McDonald (Ed.). *The Historic Turn in the Human Sciences*. Ann Arbor, 1996. P. 214.

⁷⁶ Olga Andriewsky. Toward a “Normal” Ukrainian History // *Journal of Ukrainian Studies*. 1998. Vol. 23. No. 1. Pp. 91-97.

⁷⁷ Цитирую по: Rudnytsky. *Essays in Modern Ukrainian History*. P. 13.

душие деятели современной украинской историографии, необходимо гораздо большее количество вагонов. Тем не менее, этот состав все равно будет гораздо короче и слабее, чем поезда других национальных историографий.

Спустя десятилетие после установления независимости в украинской историографии сохраняется состояние неопределенности. Вне зависимости от того, сколько было сделано, слишком многое остается несделанным, что не располагает к всецело положительной оценке.

SUMMARY

In his article Yaroslav Hrytsak reviews the development of Ukrainian historiography in the past decade after the dissolution of the Soviet Union, situating it in the context of contemporary Ukrainian politics of identity. The author traces early revisions of Marxist-Leninist historiography and official memory in the context of Perestroika, which provided initial impulses for discussion of politically relevant issues of the past. Hrytsak analyzes the establishment of ethno-populist canon of Hrushevsky from early Perestroika on, which was consciously reconstructed and presented as an alternative historiographic model for national history outside of the academic establishment. The author then surveys institutional and intellectual aspects of Ukrainian historiographic development in Ukraine after the dissolution of the Soviet Union, attributing special significance to the influence of Ukrainian diaspora on development in independent Ukraine. Special sections of Hrytsak's article are devoted to the distribution of topics in Ukrainian historical studies and to methodological debates and trends in historical scholarship. The author pays close attention to the emergence of new academic institutions and those groups of Ukrainian historians, who consciously engaged theoretical issues in an attempt to modernize historical studies and overcome the shortcomings of the ethno-populist canon of Ukrainian history. Welcoming these groups' contribution to the Ukrainian historical profession, Hrytsak takes a cautious stance towards historians' seclusion in theory, observing parallels between the historiographic situation in contemporary Ukraine and the historio-

Я. Грицак, Украинская историография: 1991-2001. Десятилетие перемен

graphic world at large, which is characterized, in the author's opinion, by a growing gap between empirical historians and those concentrating on methodological revisionism.